

Сюй Ибай никогда не повышал на Шэнь Яо голос и не говорил ему резких слов. Даже теперь он сдерживался, стараясь не сжимать его запястье слишком сильно, чтобы не причинить боль.

Он искренне считал, что ссоры лишь разрушают близость, а срывать злость на любимом человеке — последнее дело. Единственным верным решением ему всегда казался спокойный разговор. Каким бы сильным ни был гнев, Ибай лишь увлек Шэнь Яо за собой и усадил на диван.

— Шэнь Яо.

Голос прозвучал непривычно строго, без ласкового домашнего прозвища.

Шэнь Яо сразу понял, к чему все идет. Опережая его, он коснулся руки альфы и глухо произнес:

— Я знаю, что виноват. У меня эти дни были сплошные тренировки, я ужасно устал и был сам не свой.

Рука Ибая безучастно лежала на колене, но он чувствовал, как Шэнь Яо робко, едва ощутимо пытается зацепить его пальцы своими.

Он не поддался на эту уловку, стараясь говорить как можно ровнее:

— Я твой парень. Если тебе плохо, ты всегда можешь поделиться со мной. Я готов выслушать, поддержать, разделить с тобой любую заботу.

— Если тебе не хочется никого видеть, если нужно побыть одному — хорошо, я пойму. Но нельзя просто пропадать, игнорировать сообщения и не отвечать на звонки.

— Когда я не знаю, где ты и что с тобой, я места себе не нахожу от беспокойства. В голову лезут самые жуткие мысли.

— Разве это правильно, по-твоему?

Несколько прядей небрежно упали Шэнь Яо на лоб. Он виновато приподнял голову, заглядывая альфе в глаза, и послушно замер, пока тот мягким движением убирал волосы с его лица. Из груди омеги вырвался тихий, полный раскаяния вздох.

— Неправильно, — прошептал Шэнь Яо. — Но у меня так сильно болит нога...

После недолгого молчания напряжение в плечах Ибая спало, а плотно сжатые губы

расслабились. Сдавшись, он тихо вздохнул, опустился перед диваном на корточки и привычным движением принялся разминать икроножную мышцу Шэнь Яо:

— Где болит? Опять судорога свела?

— Нет, — Шэнь Яо наклонился и неторопливо закатал штанину, напустив на себя самый несчастный вид. — Я ведь собирался приехать к тебе еще вечером, но пришлось идти на этот глупый банкет. А когда вырвался, так торопился, что споткнулся и упал. Колено теперь разнесло.

Его ресницы мелко задрожали. Он жалобно протянул:

— Так больно, Ибай...

Шэнь Яо отличался безупречной, фарфорово-белой кожей, и на его стройных ногах багровое пятно на колене казалось особенно пугающим.

Уловив момент, омега подался вперед и обнял Ибая за шею:

— Терпеть не могу эти переписки в телефоне и звонки. Я просто безумно хотел поскорее увидеть тебя вживую.

Ибай не думал, что ушиб окажется настолько серьезным. Мигом позабыв о недавней обиде, он встревоженно разглядывал воспаленную кожу.

Он порывисто поднялся, собираясь принести лед, но Шэнь Яо крепко вцепился в край его домашней рубашки:

— Ты все еще злишься?

Ибай промолчал.

— Ну не сердись, ладно?

Шэнь Яо слегка приподнял ногу, заставляя альфу вновь посмотреть на ссадину. Он виртуозно умел превращать собственные раны в оружие против чужой стойкости.

Заметив, что партнер колеблется, омега требовательно потянул его за одежду.

В конце концов Ибай сдался:

— Не злюсь я. Отпусти сначала, мне нужно принести лед.

Сначала Ибай ушел в спальню и вернулся со свободной футболкой и домашними шортами в руках. Протянув одежду омеге, он сказал:

— В костюме неудобно. Переоденься пока, а я принесу лед.

Когда он вернулся, Шэнь Яо уже переоделся. Вещи альфы сидели на нем мешковато, подчеркивая хрупкость фигуры.

Омега натянул ворот футболки до самого носа и, словно любопытный щенок, вдыхал исходящий от ткани тонкий аромат голубого колокольчика — феромон своего альфы. Никакого смущения он не испытывал, напротив, озорно поблескивал глазами, не отрывая взгляда от вошедшего Ибая.

И хотя чувствовать неловкость должен был явно не Ибай, у того предательски порозовели мочки ушей.

Он подошел, мягко потянул ткань вниз, освобождая лицо Шэнь Яо, и аккуратно поправил сползший воротник, прикрывая оголившееся плечо:

— Не прячься в воротнике.

— Сам ведь дал мне свои вещи, а теперь строишь из себя недотрогу, — прыснул Шэнь Яо, едва сдерживая смех.

Забавляясь смущением Ибая, он совсем забыл про ноющее колено. Омега принялся лениво крутить в пальцах шнурок от шорт, нарочито тихо ворча:

— Пояс совсем свободный...

Шорты держались на резинке, но он принципиально не стал затягивать завязки. Ибай наклонился. Пальцы пианиста, тонкие и невероятно послушные, быстрым движением завязали безупречный бант.

Он бережно приложил пакет со льдом к ушибу и слегка коснулся пальцами здоровой кожи рядом:

— Сильно болит? Может, все-таки вызвать семейного врача?

— Не надо, — зевнул Шэнь Яо. — Кости целы, это просто ушиб. Доктор скажет делать ровно то

же самое, только зря человека дергать среди ночи. Скажут еще, что мы паникуем из-за пустяка.

За пределами концертного зала Ибай почти никогда не носил строгие костюмы, отдавая предпочтение простой одежде светлых тонов.

Он устроился на диване, и в мягком комнатном освещении его белая хлопковая рубаша казалась теплой, почти кремовой. Уложив ноги Шэнь Яо к себе на колени, он сосредоточенно и бережно водил компрессом вокруг распухшего сустава.

Работа Ибая не требовала от него погружения в пучину человеческих интриг и фальши. Даже сейчас, когда в душе еще тлели угли недавней обиды, его взгляд по-прежнему оставался чистым, словно нетронутым мирской суетой.

У Шэнь Яо дрогнул кадык. Ему нестерпимо захотелось поцеловать своего альфу. Коснувшись пальцами его подбородка, он потянулся губами навстречу.

Но не успело их дыхание смешаться, как тишину гостиной безжалостно нарушило громкое урчание в пустом желудке омеги.

Голод действительно притупляет сообразительность: Шэнь Яо лишь растерянно моргнул, не сразу сообразив, что произошло.

В этой нелепой растерянности было столько детского очарования, что лед на сердце Ибая окончательно растаял, и он тихо рассмеялся. Прекрасно понимая невысказанное желание омеги, альфа сам приподнял лицо и нежно коснулся губами уголка его рта.

Затем он вложил пакет со льдом в раскрытую ладонь Шэнь Яо, заставив его держать компресс самостоятельно, и поднялся. С высоты своего роста ему было очень удобно ласково потрепать омегу по мягкой макушке.

— Ты ведь был на банкете. Неужели там ничего не ел?

— Ни крошки, — Шэнь Яо жалобно прижал ладонь к животу. — Я все время думал о том, как приеду к тебе. Хотел дожидаться твоей стряпни.

Взгляд Ибая потеплел еще сильнее. Он нежно произнес:

— Я здесь давно не ночевал, так что в холодильнике шаром покати. Могу только лапши сварить.

Зная, насколько привередлив его партнер в еде, он поспешил добавить:

— Завтра утром я пораньше схожу в супермаркет, куплю свежих продуктов и к обеду приготовлю все твои любимые блюда.

Кухня находилась совсем рядом с гостиной, но, отойдя на полпути, Ибай все же обеспокоенно оглянулся. Шэнь Яо свернулся калачиком на диване и прилежно, точь-в-точь как его учили, катал ледяной мешочек по колену.

На губах Ибая сама собой появилась улыбка.

«Наверное, он и правда закрутился на этих сборах, — подумал альфа. — Дел навалилось столько, что голова кругом»

Он ни секунды не сомневался: Шэнь Яо любит его.

Еще в университете за этим омегой ухлестывали толпы, но рядом с ним всегда оставался только один альфа — Сюй Ибай.

Такой ласковый, капризный и отчаянно нуждающийся в тепле... Эту сторону характера Шэнь Яо знал только он.

Шэнь Яо вымотался до предела. Стоило ему наскоро поесть, принять душ и добраться до постели, как веки налились свинцом. Постель Ибая была невероятно мягкой, укутывающей тело, словно облако пуха.

Засыпая, он лениво комкал пальцами край подушки, но сон никак не шел до конца. Лишь когда матрас рядом слегка прогнулся и вернувшийся из ванной альфа ласково притянул его к себе, Шэнь Яо наконец расслабился.

— Ибай... — пробормотал он сквозь сон, — феромоны...

Прохладный, чистый аромат голубого колокольчика мгновенно заполнил спальню. Ибай неторопливо поглаживал омегу по спине, тихонько напевая убаюкивающий мотив без слов.

Вскоре дыхание Шэнь Яо выровнялось. Уснув, он казался совершенно беззащитным, неуловимо напоминая ангела с церковных фресок.

Он спал крепко и безмятежно, чего нельзя было сказать об Ибае. Тревога не давала пианисту сомкнуть глаз. Каждые полчаса он проверял время на телефоне.

Каждые три часа он бесшумно выскальзывал из-под одеяла, шел за свежим льдом и осторожно прикладывал холод к ушибленному колену спящего омеги.

Шэнь Яо так ни разу и не проснулся до самого утра.

Ибай, глядя на его мирное лицо, тихо подумал:

«Я ведь в постели никогда не позволял себе держать его на коленях так долго, чтобы кожа хоть немного покраснела...»

Сюй Ибай учился курсом старше. Один занимался на музыкальном отделении, другой — на хореографическом; их миры почти не пересекались, но судьба раз за разом сталкивала их на общих мероприятиях.

Впервые они встретились во время подготовки к юбилею университета.

Получив расписание репетиций, Ибай по своей извечной привычке пришел загодя. Танцевальный зал встретил его гулкой пустотой.

Сквозь распахнутое окно пробивался легкий сквозняк, колыхавший полупрозрачные занавески. Обстановка здесь разительно отличалась от привычных Ибаю тесных классов консерватории: огромные зеркала во всю стену, тянущиеся вдоль них деревянные станки и особое нескользящее покрытие на полу.

Не став разглядывать незнакомый класс, он устроился за недавно принесенным роялем. Стоило ему разложить ноты и взять первые пробные аккорды, как дверь с тихим щелчком отворилась.

В зал вошел омега. На нем было облегающее трико фисташкового оттенка и свободные тренировочные брюки чуть темнее тоном.

Этот капризный цвет мало кому шел, но на Шэнь Яо он смотрелся изумительно, выгодно подчеркивая белизну кожи. Ибай уже знал имя своего партнера по выступлению.

Шэнь Яо на секунду замер на пороге, удивленно приподняв брови, но, сверившись с настенными часами, облегченно улыбнулся:

— А я уж испугался, что опоздал. Не думал, что вы, гээ, придете так рано.

Пока омега молчал, его черты казались дерзкими, почти хищными, но стоило ему улыбнуться, сощутив глаза, как этот хищный лоск сменялся чисто мальчишеским задором.

— Люблю приходить заранее, — неловко отозвался Ибай.

Шэнь Яо прислонил спортивную сумку к стене и с живым любопытством спросил:

— Гэ, а тебе уже приходилось аккомпанировать танцорам?

— Нет, — честно признался Ибай. — Для меня это в первый раз.

Подобные творческие тандемы в академии практиковались часто, и к нему не раз обращались с подобными просьбами, но он неизменно отвечал отказом. В вопросах искусства Ибай отличался бескомпромиссностью: музыка была его личным пространством, его собственной, недосыгаемой высью.

Он предпочитал сольные выступления, где звучание оставалось кристально чистым. Даже во время оркестровых концертов он требовал от остальных партий абсолютного, ювелирного созвучия, чтобы это хрупкое облако звуков продолжало свободно парить.

Те же строгие требования он предъявлял и к хореографии, а потому никогда не соглашался быть безликим фоном для чужого танца. Эта репетиция стала исключением лишь по чистой случайности. Когда ректор лично попросил его поучаствовать, Ибай поначалу намеревался отказаться.

Однако старик уговорил его хотя бы взглянуть на одну запись и прислал видеофайл.

На экране был просторный, залитый полуденным солнцем репетиционный зал. Звуковое сопровождение шло с небольшими помехами. В самом центре стоял босоногий омега. Заметив, что его снимают, он задорно наклонил голову и улыбнулся прямо в объектив.

А затем полилась музыка. Юноша двигался с невероятной, почти пугающей легкостью: его руки взмывали вверх и опускались в такт мелодии, а движения стоп были безукоризненно точны. В том наброске не было сложных прыжков или вычурных па, но в лаконичности линий угадывалось истинное мастерство.

Хореография требует врожденного дара. О таких людях говорят, что их поцеловал бог. И этот омега определенно был одним из них.

Ибай плохо разбирался в балете, но очнулся только тогда, когда видео подошло к концу.

Он закрыл проигрыватель и отправил ректору короткое сообщение: «Я попробую».

— В первый раз? — Шэнь Яо улыбнулся, мельком показав острый клык. Он закинул ногу на балетный станок и принялся за растяжку. — Выходит, я на особом положении.

Многолетние тренировки сделали его тело послушным и гибким, точно лоза. Сгибаясь в поясе, он легко касался тонкими пальцами кончиков пальцев ног, при этом его позвоночник изгибался безупречной, плавной дугой.

Ибай украдкой бросил на него взгляд и тут же поспешно опустил глаза к клавишам, случайно задев одну из них.

Одинокая чистая нота долго вибрировала в тишине зала.

Стараясь сосредоточиться, он раз за разом проигрывал вступление, терпеливо ожидая, пока Шэнь Яо закончит разминку.

Их первая совместная репетиция доказала: чутье его не подвело. Они совпали идеально. И музыка, и танец — это лишь разные языки для одной и той же повести, где артисты вплетают собственные чувства в узор общего сновидения для зрителя.

Между ними возникла редкая, почти мистическая связь. Ибай кожей чувствовал этот резонанс: словно Шэнь Яо был диковинной бабочкой, чей взмах крыла он мог предугадать до сотой доли секунды, а омега безошибочно угадывал, в какой миг пальцы пианиста застынут над клавишами.

Они закончили, когда за окнами давно сгустились сумерки. Шэнь Яо стер со лба капли пота, подхватил сумку и, с лихорадочно горящими глазами из-под влажной челки, вежливо кивнул:

— До свидания, г-н.

Было очевидно, что этот творческий союз увлек его не меньше.

До праздничного концерта оставалось много времени, спешить было некуда, поэтому они собирались всего два-три раза в неделю.

За месяц таких встреч лед между ними окончательно растаял. Во время пауз они вовсю шутили и смеялись, а после репетиций частенько отправлялись ужинать вместе.

В один из таких дней Ибай, закончив свои занятия в консерватории, неторопливо складывал нотные тетради в рюкзак.

Сидевший рядом однокурсник мимоходом поинтересовался:

— Опять к Шэнь Яо спешишь?

Ибай на секунду замер:

— Ты его знаешь?

— Я-то его знаю, а вот он меня — вряд ли, — парень усмехнулся с легкой завистью в голосе. — Это только ты у нас живешь в своей башне из слоновой кости и ничего вокруг не замечаешь. Шэнь Яо при поступительном набрал высшие баллы и по творческому конкурсу, и по теории. А уж про его внешность я вообще молчу — альфы за ним хвостом ходят, от восточных ворот академии до западных.

— Он тебе тоже нравится? — тихо спросил Ибай.

— Скрывать не стану — засматривался, — вздохнул приятель. — Но он птица высокого полета. Держит всех на расстоянии.

По пути к репетиционному залу Ибай никак не мог выкинуть из головы этот разговор.

Ему Шэнь Яо вовсе не казался неприступным — напротив, рядом с ним омега постоянно улыбался.

Ибай притормозил на повороте коридора. Шэнь Яо стоял у окна и, заметив его, на секунду задержал на нем взгляд. Только тогда Ибай обратил внимание на стоявшего к нему спиной незнакомого альфу.

«Похоже, слухи не врут, — подумал пианист, — и он действительно пользуется успехом»

Парень держал в руках пакет с молочным чаем, настойчиво протягивая его омеге. На лице Шэнь Яо застыло выражение глухого безразличия, какого Ибай еще никогда у него не видел. Нахмурившись, омега отрезал:

— Я не пью сладкое.

Поняв, что уговоры не действуют, настырный ухажер попытался всучить пакет силой, хватая Шэнь Яо за руку.

Прежде чем омега успел среагировать, Ибай в несколько шагов преодолел разделявшее их расстояние. Не говоря ни слова, он железной хваткой перехватил запястье наглеца и резко вывернул его руку назад.

— А-а-а! — взвыл тот от неожиданной вспышки боли.

Несмотря на внешнюю утонченность и мягкие манеры, Ибай обладал недюжинной силой пианиста, к тому же удар и захват он выполнил технически безупречно, зажав болевую точку на запястье так, что противник мгновенно обмяк, не в силах вырваться.

— Какого черта, Сюй Ибай?! Тебе-то что за дело?! — прошипел тот.

Ибай был фигурой известной в академии, поэтому парень сразу его узнал. Поблуднев от боли, он злобно уставился на музыканта:

— Я угощаю Шэнь Яо, а не тебя! Не лезь не в свое дело!

Ибай молча сделал шаг вперед, заслоня собой Шэнь Яо и оттесняя нападавшего:

— Тебе русским языком сказали: «нет». Или со слухом проблемы?

Он резко разжал пальцы. Шэнь Яо впервые услышал, как этот благовоспитанный юноша повышает голос:

— Пошел вон.

Оттолкнутый альфа отлетел к стене, больно ударившись плечом, и еще долго потирал ушибленное место. Наконец, сообразив, что дальнейшие препирательства ни к чему хорошему не приведут, он зло сплюнул и поспешил скрыться с глаз.

Проходя мимо урны, он в ярости швырнул туда злосчастный чай.

Ибай искренне не понимал подобных методов. Для него навязывание своего внимания было верхом невоспитанности.

Он твердо верил: если тебе кто-то нравится, ухаживать нужно так, чтобы не доставлять человеку неудобств.

— Спасибо, гэ, — негромкий голос Шэнь Яо вернул его к действительности. В глазах омеги плясали искорки смеха. — Не думал, что ты бываешь таким грозным.

Вся воинственность Ибая тут же испарилась. Слегка смутившись, он отвел взгляд и неловко потер покрасневшее ухо:

— Я не грозный. Просто с некоторыми людьми бесполезно разговаривать по-хорошему.

В знак благодарности Шэнь Яо пригласил его на обед.

На следующий день зарядил нудный, затяжной дождь, типичный для здешнего сезона дождей. То утихая, то принимаясь с новой силой, к вечеру он превратился в настоящий потоп.

Ибай снимал квартиру недалеко от кампуса. Звонок застал его на балконе за поливкой цветов. Они уже давно обменялись номерами и часто переписывались, но это был их первый телефонный разговор.

Без лишних колебаний он нажал на кнопку приема:

— Алло, Шэнь Яо? Что-то случилось?

На том конце провода слышался плотный, ровный шум падающей воды. Омега молчал, и Ибай терпеливо ждал, не торопя его.

Спустя полминуты в трубке раздался тихий голос, пытавшийся казаться беззаботным:

— Гэ... на улице такой ливень.

Ибай отставил лейку в сторону и посмотрел сквозь панорамное окно — за стеклом колыхалась сплошная серая стена воды.

Он подхватил стоявший у двери зонт и, уже обуваясь на ходу, спросил:

— Где ты сейчас? Скажи мне, я приеду.

Шэнь Яо снова помедлил. В трубке было слышно его ровное, прерывистое дыхание. Наконец он произнес:

— Я у западных ворот академии. Можешь забрать меня? Мне... больше некому позвонить.

«У него ведь и правда нет близких друзей», — подумал Ибай.

Дорога заняла от силы десять минут. Он сразу заметил одинокую фигуру под навесом у западных ворот.

Вид у омеги был донельзя жалкий. Промокший до нитки, со слипшимися от воды волосами, он стоял, обхватив себя руками. Крупные капли стекали по его лицу, срываясь с подбородка и исчезая в вырезе рубашки.

Ибай тут же набросил ему на голову сухое махровое полотенце, которое прихватил из дома, и принялся бережно промакивать влажное лицо. Омега не проронил ни слова.

Ибай не стал расспрашивать, как тот оказался под ливнем, почему набрал именно его номер и почему сейчас упрямо молчит.

Он просто привез его к себе — бережно, словно подобрал на улице промокшего бездомного котенка с на редкость красивой шерсткой.

В небольшой кастрюльке на плите закипал имбирный отвар, наполняя кухню пряным, резковатым ароматом. Ибай задумчиво наблюдал за поднимающимся паром.

Он ладил со многими, но всегда строго оберегал личные границы. Свои двери он не открывал ни перед кем — дом оставался его тихой гаванью, скрытой от посторонних глаз.

Но стоило Шэнь Яо позвонить, как все эти незыблемые правила рассыпались в прах.

Он не просто привел его к себе, но и отдал свои вещи — те, что оказались маловаты ему самому, — и отправил греться в ванную.

Душистая жидкость потекла через край кастрюли. Ибай очнулся от мыслей и поспешно щелкнул выключателем плиты.

Он как раз тянулся за тряпкой, чтобы вытереть конфорку, когда со спины к нему мягко прижалось чужое теплое тело. Ибай замер, боясь даже вздохнуть.

Пахнущий мыльной свежестью омега с наброшенным на мокрую голову полотенцем неслышно подошел босиком и обнял его сзади за пояс. Крепко прижавшись всем телом, он уткнулся лицом в лопатки альфы.

Поскольку Шэнь Яо был немного ниже ростом, его губы почти касались чувствительной кожи на затылке Ибая, а горячее, сбивчивое дыхание щекотало шею.

— Гэ, — пальцы омега до белизны сжали ткань его домашней футболки на животе. Голос прозвучал приглушенно, едва различимо за шумом дождя. — Ты мне нравишься.

— Давай будем встречаться?

<http://bllate.org/book/18245/1748434>